

К НАТАЛЬЕ

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût¹.

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах²
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,

¹ Почему мне бояться сказать это?

Марго пленила мой вкус (*фр.*).

Из «Послания к Марго» Шодерло де Лакло, в котором высмеивалась мадам Дюбарри, фаворитка короля Людовика XV.

² *Воксал* — помещение для концертов.

И теперь я — Селадон!¹
Миловидной жрицы Тальи
Видал прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,

¹ *Катон Марк Порций* (235–149 до н. э.) — древнеримский политик и писатель. *Селадон* — герой романа «Астрей» (1607–1618) Оноре д'Юрфе; имя сделалось нарицательным обозначением томящегося, сентиментального любовника, волокиты.

Я слабею всякий час.
Всё к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты¹ нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой²
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины³,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

¹ *Филимон* и *Анюта* — персонажи оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват».

² *Назора* — персонаж из оперы А. Саккини «Осмеянный скупец».

³ *Опекун* (доктор Бартоло) и *Розина* — действующие лица комедии П. О. Бомарше и оперы Дж. Паэзиелло «Севильский цирюльник».

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я Сераля¹,
Не арап, не турок я.
За учтвого китайца²,
Грубого американца³
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурю⁴,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с сигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

¹ Возможно, отсылка к опере Моцарта «Похищение из сераля».

² По-видимому, персонаж оперы В. А. Пашкевича «Февей».

³ Возможно, персонаж оперы Е. И. Фомина «Американцы».

⁴ Вероятно, персонаж оперы неизвестных авторов «Пивовар, или Кроющийся дух».

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
 Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
 За лаврами спешишь опасною стезей
 И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
 Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
 В холодных песенках любовью не пылай;
 Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
 Довольно без тебя поэтов есть и будет;
 Их напечатают — и целый свет забудет.
 Быть может, и теперь, от шума удалясь
 И с глупой музою навек соединишь,
 Под сенью мирною Минервиной эгиды¹
 Сокрыт другой отец второй «Тилемахиды»².
 Страшися участи бессмысленных певцов,
 Нас убивающих громадою стихов!
 Потомков поздних дань поэтам справедлива;
 На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
 Страшися беславия! — Что, если Аполлон,
 Услышав, что и ты полез на Геликон,
 С презреньем покачав кудрявой головою,
 Твой гений наградит — спасительной лозою?

¹ То есть в школе. (Примеч. А. С. Пушкина.)

² Поэма В. К. Тредиаковского.

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать
излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плетть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну¹ французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом² гниют у Глазунова³;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?

¹ *Витгенштейн Петр Христианович* (1768–1843) — русский военачальник немецкого происхождения.

² Подразумеваются С. А. Ширинский-Шихматов, гр. Д. И. Хвостов и С. С. Бобров — приверженцы «Беседы любителей русского слова».

³ Вероятно, Матвей Петрович Глазунов (1757–1830) — основатель книжной фирмы Глазуновых.

Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо¹;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров² на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
Перебирая всё, как новый Ювенал,
Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поспорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что случилось с тобой? В уме ли ты иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,

¹ Руссо Жан-Батист (1670–1741) — французский лирик.

² Костров Ермил Иванович (1755–1796) — поэт, первый в России переводчик «Илиады» Гомера и «Золотого осла» Апулея.

И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков¹ не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным —
лучше вдвое.

КРАСАВИЦЕ,
КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясинов и лилей,
Которых ты всегда любила

¹ Имеется в виду П. И. Макаров — критик, последователь Н. М. Карамзина.

И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

КАЗАК

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напой коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!»
— «Ночь красавицам опасна».
— «Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Друзья! досужный час настал;
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлада,
Мой добрый Галич¹, vale!²

¹ Галич Александр Иванович (1783–1848) — профессор российской и латинской словесности, преподававший в Лицее в 1814–1815 гг.

² Будь здоров! (лат.)

Ты Эпикуров младший брат,
 Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
 Будь нашим президентом,
И станут самые цари
 Завидовать студентам!

Дай руку, Дельви́г! что ты спишь?
 Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
 Бутыль вином налита,
За здравье нашей музыки пей,
 Парнасский волокита.
Остряк любезный¹, по рукам!
 Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
 На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
 Сиятельный повеса!²
Ты будешь Вакха жрец лихой,
 На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
 Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
 На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой³,
 Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
 Педантам сродну скуку:

¹ Возможно, А. Д. Илличевский.

² Князь А. М. Горчаков.

³ И. И. Пуцин.

Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь¹,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес²,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец³,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленья звуков льется!..

¹ М. Л. Яковлев.

² И. В. Малиновский; в Лицее за вспыльчивый нрав получил прозвище Казак, с чем и связан в следующих строках тост «за здравие Платова». *Платов Матвей Иванович* (1751–1818) — генерал, атаман войска Донского, герой войны 1812 г.

³ Н. А. Корсаков.

Но мне ли страстью вздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной¹,
В честь Вахковой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком²;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вахха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм³, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;

¹ *Роде Пьер* (1774–1830) — известный в то время скрипач и композитор. Адресатом строфы могли быть и Корсаков, и Яковлев.

² *Арак* — водка.

³ В. К. Кюхельбекер.

В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской¹ храм?

Не се ль Элизиум полнощный²,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный³
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоня ветрам слух.

¹ Екатерина II.

² *Полнощный* — здесь: северный.

³ Имеется в виду победа России над Швецией в Северной войне (1700–1721); *лев* — эмблема Швеции, *орел* — эмблема России.

Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник¹. Ширияся крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой².
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров³ героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

¹ Ростральная колонна в большом пруду Екатерининского парка, установленная в память о победе русского флота в Чесменском сражении (1770).

² Обелиск в память победы русских войск в битве при Кагуле (1770).

³ *Петров Василий Петрович* (1736–1799) — поэт.

Содержание

1813

К Наталье	5
-----------------	---

1814

К другу стихотворцу	9
Красавице, которая нюхала табак	12
Казак	14
Пирующие студенты	16
Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой нощи...»)	19
Mon portrait	25

1815

Воспоминание (К Пущину)	28
Моя эпитафия	29
К Дельвигу («Послушай, муз невинных...»)	29
Роза	32
Тень Фонвизина	32
Гроб Анакреона	43

1816

* Из письма к кн. П. А. Вяземскому	45
Разлука («Когда пробил последний счастьем час...»)	45

* Здесь и далее «звездочкой» отмечены стихотворения, озаглавленные редакторами (у Пушкина названий не имеющие).

Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...»)	47
Желание	47
Друзьям («Богами вам еще даны...»)	48
Заздравный кубок	48
Пробуждение	49

1817
(ЛИЦЕЙ)

К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»)	51
Товарищам («Промчались годы заточенья...»)	51
Разлука («В последний раз, в сени уединенья...»)	53

1817
(ПОСЛЕ ЛИЦЕЯ)

«Простите, верные дубравы!..»	54
«Краев чужих неопытный любитель...»	54
Вольность. Ода	55

1818

Торжество Вакха	59
Выздоровление	61
Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...»)	62
К портрету Жуковского	63
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»)	63
К *** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...») ...	64

1819

Деревня	65
Домовому	67
Русалка	67
Уединение	69
Веселый пир	70
Возрождение	70
«Напрасно, милый друг, я мыслил утаить...»	71

1820

- * На Колосову («Все пленяет нас в Эсфири...») 72
 «Мне бой знаком — люблю я звук мечей...» 72

1820

(ЮГ)

- «Погасло дневное светило...» 73
 «Увы, зачем она блистает...» 74
 К *** («Зачем безвременную скуку...») 75
 К портрету Вяземского 75
 Черная шаль. Молдавская песня 76
 «Редает облаков летучая гряда...» 77

1821

- «Я пережил свои желанья...» 78
 Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...») 78
 Кинжал 79
 Катенину («Кто мне пришлет ее портрет...») 81
 К моей чернильнице 82
 «Кто видел край, где роскошью природы...» 85
 «Умолкну скоро я! Но если в день печали...» 86
 Наполеон 86
 К Овидию 91
 «В твою светлицу, друг мой нежный...» 94

1822

- Песнь о вещем Олеге 95
 Таврида 98
 Послание цензору 102
 «Наперсница волшебной старины...» 106
 Узник 107

1823

- Птичка 109
 Ночь 109

Демон	110
«Свободы сеятель пустынный...»	110
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	111
Телега жизни	112

1824

(ЮГ)

Прозерпина	114
«Всё кончено: меж нами связи нет...»	115
«Полу-милорд, полу-купец...»	116

1824

(МИХАЙЛОВСКОЕ)

* Из письма к Вульф («Здравствуй, Вульф, приятель мой!...»)	117
К Языкову («Издrevле сладостный союз...»)	118
Разговор книгопродавца с поэтом	119
К морю	126
Фонтану Бахчисарайского дворца	129
Подражания Корану	129
Чаадаеву («К чему холодные сомненья?...»)	137
Аквилон	137
Клеопатра	138

1825

Сожженное письмо	141
Желание славы	141
«Храни меня, мой талисман...»	142
Андрей Шенья	143
«Если жизнь тебя обманет...»	151
К *** («Я помню чудное мгновенье...»)	151
Вакхическая песня	152
19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)	152
Сцена из Фауста	158
Зимний вечер	162

Буря	163
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	164
Прозаик и поэт	165

1826

«Под небом голубым страны своей родной...»	166
Песни о Стеньке Разине	166
Признание («Я вас люблю — хоть я бешусь...»)	169
Пророк	170
* И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный...»)	171
Стансы («В надежде славы и добра...»)	172
Ответ Ф. Т.*** («Нет, не черкешенка она...»)	172
Зимняя дорога	173
К** («Ты богоматерь, нет сомненья...»)	174
Няне («Подруга дней моих суровых...»)	174

1827

«Во глубине сибирских руд...»	176
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной...»)	176
Арион	177
«Какая ночь! Мороз трескучий...»	177
* Кипренскому	179
Ангел	180
Поэт («Пока не требует поэта...»)	180
«Все красны боярские конюшни...»	181
«Блажен в златом кругу вельмож...»	182
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои...»)	183
Талисман	183

1828

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...»)	185
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...»)	186

Ты и вы	187
«Дар напрасный, дар случайный...»	187
«Кобылица молодая...»	188
«Не пой, красавица, при мне...»	188
Портрет («С своей пылающей душой...»)	189
Предчувствие	189
Утопленник. Простонародная сказка	190
«Рифма, звучная подруга...»	193
«Ворон к ворону летит...»	195
«Город пышный, город бедный...»	195
Анчар	196
Цветок	197
Поэт и толпа	198
«Каков я прежде был, таков и ныне я...»	200
Альбомные стихи А. П. Керн	200
«Как быстро в поле, вокруг открытом...»	202

1829

«Подъезжая под Ижоры...»	203
Приметы	204
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	204
«Жил на свете рыцарь бедный...»	204
Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...»)	207
Олегов щит	207
Дорожные жалобы	208
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»	209
Зимнее утро	211
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	212
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	212
Кавказ	213
Монастырь на Казбеке	214
Воспоминания в Царском Селе («Воспоминаньями смущенный...»)	215
«О сколько нам открытий чудных...»	217

1830

«Что в имени тебе моем?..»	218
Ответ («Я вас узнал, о мой оракул...»)	218
«В часы забав иль праздной скуки...»	219
Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...»)	220
К вельможе	221
«Когда в объятия мои...»	225
Поэту. Сонет («Поэт! не дорожи любовью народной...») ..	226
Мадонна. Сонет	227
Бесы	227
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)	229
Царскосельская статуя	230
Отрок	230
Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня...»)	230
На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...»)	231
Труд	231
Прощанье («В последний раз твой образ милый...»)	231
Паж, или Пятнадцатый год	232
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»	233
«Я здесь, Инезилья...»	234
Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	235
Герой	236
«В начале жизни школу помню я...»	239
К переводу Илиады («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...»)	241
«Для берегов отчизны дальной...»	241
Из Bagru Cornwall («Пью за здоровье Мери...»)	242
Моя родословная	242
«Два чувства дивно близки нам...»	246

1831

«Перед гробницею святой...»	247
Клеветникам России	248

Бородинская годовщина	250
Эхо	253
«Чем чаще празднует Лицей...»	254

1832

«И дале мы пошли — и страх обнял меня...»	256
Мальчику. (Из Катуллы)	258
Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один...»)	258
Красавица («Всё в ней гармония, всё диво...»)	259
К *** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»)	260

1833

«Сват Иван, как пить мы станем...»	261
Будрыс и его сыновья	262
Воевода	264
«Когда б не смутное влечение...»	266
Осень (Отрывок)	267
«Не дай мне Бог сойти с ума...»	271
«В поле чистом серебрится...»	272

1834

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	273
«Я возмужал среди печальных бурь...»	273
Песни западных славян	273

1835

(Из Анакреона). Отрывок. («Узнают коней ретивых...») . . .	317
Ода LVI («Поредели, побелели...»)	317
Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?...»)	318
Полководец	318
Туча	320
«...Вновь я посетил...»	321
«Я думал, сердце позабыло...»	323
Пир Петра Первого	323

1836

Д. В. Давыдову («Тебе, певцу, тебе, герою!..»)	326
Художнику	326
Мирская власть	327
(Подражание италиянскому) («Как с древа сорвался предатель ученик...»)	328
«Напрасно я бегу к сионским высотам...»	328
(Из Пиндемонти) («Не дорого ценю я громкие права...») ..	329
«Отцы пустынноики и жены непорочны...»	329
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	330
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	331
«Была пора: наш праздник молодой...»	332
Словарь мифологических имен	335